

Иоганн Волфганг

Гёте

ФА

Иоганн Вольфганг Гёте

Фауст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17008049

Аннотация

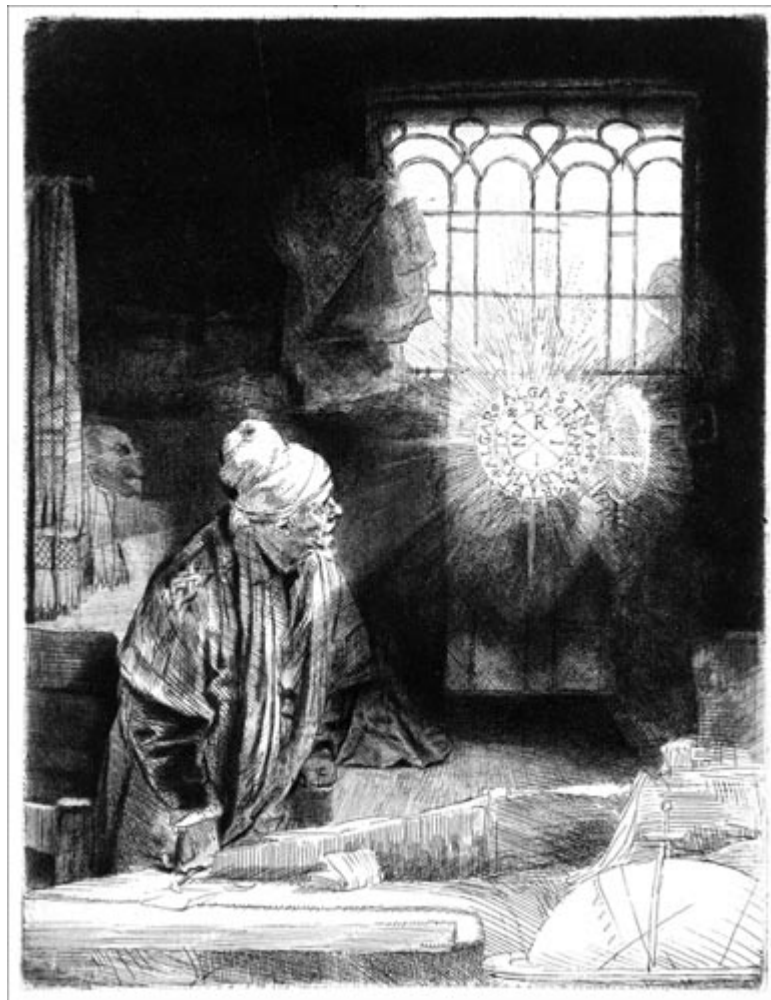
«Фауст» – бессмертная трагедия гениального немецкого поэта Иоганна Вольфганга фон Гёте, ставшая одним из шедевров мировой литературы. «Фауст» был создан на основе средневековых немецких сказаний. Но под пером Гете маг и чернокнижник Иоганн Фауст превратился в ученого, уставшего от бесплодности собственной жизни и томления духа. Чтобы найти смысл и ценность человеческого существования, он решает заключить сделку с коварным посланцем преисподней. Гениальное творение, посвященное познанию жизни, творческой силе человеческого духа, противостоянию Бога и сатаны, Гете создавал на протяжении всей своей жизни.

Содержание

Посвящение	4
Пролог в театре	6
Пролог на небесах	12
Часть первая	17
Сцена 1	17
Сцена 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иоганн Гёте Фауст

Посвящение

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,

И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя – увы! – уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, – рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа эоловой струной;
В суровом сердце трепет и смиренье,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, – восстало, оживилось!

Пролог в театре

Директор, поэт и комик

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мнение: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?
Тружусь для публики я неизменно:
Она живет и жить другим дает.
Уже стоят столбы, готова сцена,
Ждет праздника взволнованный народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе, хоть и не новый труд,
Но все ж меня берет невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитаны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней – для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой,
Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь и бежит волной неуправимой,
И в двери тесные и рвется и спешит.
Нет четырех часов, до вечера далеко,
А уж толпа кишит, пустого места нет —
Точь-в-точь голодные проед лавкой хлебопека,
И шею все сломить готовы за билет.
Такие чудеса во власти лишь поэта!
Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной —
Она иной раз вдохновение спугнет;
Избавь меня от этой давки шумной,
Влекущей мощно в свой водоворот;
Нет, тишины ищущий я, многодумный, —
Лишь там поэту радость расцветет;
Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас приводит к счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста —
Удачно ль, нет ли, – выйти чуть посмеет
На свет – его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,

Чтоб совершенной стала красота!
Мишурный блеск – создание вероломства,
Прекрасное родится для потомства!

Комик

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!
Что, если б для него – потомства – в самом деле
И я бы перестал смешить честной народ?
Кто ж публику тогда, скажите, развлечет
Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?...
Нет, как хотите, а держусь я мненья,
Что весельчак заслужит свой почет
И что забавник не лишен значенья.
Кто интересен публике, мой друг,
Тот говорить с толпою может смело;
Увлечь ее – ему пустое дело.
Успех тем легче, чем обширней круг!
Итак, смелей вперед! Вы можете заставить
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
На сцену выступить; но не забудьте часть
И шаловливого дурачества прибавить.

Директор

А главное, мой друг, введите приключенья!
Глазеть на них-толпе нет выше наслажденья;
Ну, и пускай толпа, разиня рот, глядит...
Причудливую ткань раскиньте перед нею —
И вы упрочили за пьесою своею
Успех, и к вам толпа уже благоволит.
Пусть масса массу привлекает!
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
Кто много предложил, тот многим угождает —
И вот толпа идет, довольная, домой.
Смелее все в куски мельчайшие крошите —
И этот винегрет успех доставит вам.
Легко вам выдумать, легко представить нам!
Что пользы, если вы им «целое» дадите?
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно
Такое ремесло? Иль не художник я?
Дряных писак пустая пачкотня
У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрек подобный оскорбить;
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,
Берет оружие, какое бьет вернее.
С волками жить – по-волчьи выть!
Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Спешит сюда переварить обед,
А третий – что для нас всего, пожалуй, хуже —
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно – театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы – те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Тот хочет пьянствовать недели,
А тот в игорный дом идет...
Смешно, когда поэт зовет
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу вас об одном: побольше сочинить,
Как можно более – вот в чем мое стремленье!
Запутайте толпу, введите в заблужденье;
Иначе – верьте мне – ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нем стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которою, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечет веретеном послушным,
Когда все сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, —
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и тверд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя все в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В теченье строгих дум – зари вечерней свет?

Весны роскошный, лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придает незначущим листам¹,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг ваш – эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит лавелас предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?
Случайно сходятся – взаимное сближенье,
Затем – свидания, надежды, опасенья;
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, —
Глядишь – готов роман. И так-то все на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей —
И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес.
Где ни копните – тут и интерес!
Картина попестрей, поменьше освещенья
Да искра истины среди мрака заблужденья,
И смотришь – славное сварили вы питье,
По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.
Цвет юности идет сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдет,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждет.
В одном одну мечту, в другом другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
ручаюсь, вашей пьесой восхищен:
Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они еще не прочь и плакать и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, доволен будет всем!

Поэт

Отдай даже годы мне золотые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые

¹ «Кто цену придает незначущим листам...» – Речь идет о листьях лавра, из которых в древности сплетали венок для украшения головы прославленного человека.

Не уставая вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке чуда ждал.
Я беден был – и все, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенья,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идете вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам
Хотите быстро вы добиться,
Когда всю ночь придется вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,
За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почета, старики!
Что старость в детство нас приводит – пустяки:
До самой старости мы-дети, вот в чем дело!

Директор

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и укоров!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт – властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам – мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший – дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:
Что можно сделать неотложно,

Зачем на завтра оставлять?
Должны мы сразу уловлять
Все то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены все пригодно;
На ней – вы полный господин;
Берите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды:
Ни в чем не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд —
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

Пролог на небесах

Господь, архангелы, потом Мефистофель

Рафаил

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем.
Непостижимость мирозданья
Дает нам веру и оплот,
И, словно в первый день созданья,
Торжественен вселенной ход!

Гавриил

И с непонятной быстротою,
Кружась, несется шар земной;
Проходят быстрой чередою
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твердых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребления,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упованья
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день созданья,
Твои творенья велики!

Мефистофель

Опять, о Господи, явился ты меж нас
За справкой о земле, – что делается с нею!

Ты благосклонностью встречал меня не раз —
И вот являюсь я меж челядью твоею.
Прости, не мастер я по части громких слов;
Но если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б ты – ручаться я готов, —
Когда б от смеха ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда, во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить —
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне – хоть этикет здесь строгий —
Сравненьем речь украсить: он на вид —
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы оно уютно, —
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо мною!
Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданье,
Что мучить бедняка и я не в состоянье.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружен,
То с неба лучших звезд желает он,
То на земле – всех высших наслаждений,
И в нем ничто – ни близкое, ни даль —
Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока еще умом во мраке он блуждает,
Но истины лучом он будет озарен;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволенья, —
Пойдет немедля он за мной.

Господь

Пока живет он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нем есть стремленье.

Мефистофель

Благодарю: не надо мертвых мне!
От трупов я держуся в стороне.
Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам предпочитаю, —
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Господь

Тебе позволено: иди
И завладей его душою
И, если можешь, поведи
Путем превратным за собою, —
И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем исканье смутном
Сознанья истины полна!

Мефистофель

Сознанием слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;
Но только знайте: если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне:
Триумф победы – вот моя награда!
Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,
Достопочтенная змея!

Господь

Тогда явись ко мне без колебанья!
К таким, как ты, вражды не ведал я...
Хитрец, среди всех духов отрицанья
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, – потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!
А вы, сыны небес и рая, —
Пусть вечно радует вас красота святая,
И ко всему, что есть и бедет вновь,
Пусть проникает вас священная любовь,
И все, что временно, изменчиво, туманно,
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

Мефистофель (один)

Охотно старика я вижу иногда,
Хоть и держу язык; приятно убедиться,
Что даже важные такие господа
Умеют вежливо и с чертом обходиться!

Часть первая

Сцена 1

НОЧЬ.

Старинная комната с высокими готическими сводами.

Фауст, исполненный тревоги, сидит у своего стола в высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я — и вот
Тому пошел десятый год;
Учеников туда, сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу все ж, что не дано нам знания.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней всех глупцов —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истину ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, исправить — не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пес не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась,
А не набор речей случайный.
О месяц! Если б в этот час
Ты озарил в последний раз
Меня средь комнаты моей,
Где я познал тоску ночей!..

О, если б мог бродить я там
В твоём сияньи по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..
Еще ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва заметен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли и червей;
И полок ряд, убог и сир,
Хранит реторт и банок хлам
И инструменты по стенам.
Таков твой мир! И это мир!
Еще ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад такой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти – на скелет!..
О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух —
И ты узнаешь ход светил.
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)²

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не Бога ли рукой?

² По учению средневековых мистиков Макрокосм является воплощением вселенной, мироздания, а Микрокосм – это человек. Знак Макрокосма в книгах по магии обозначал вселенную, живые силы природы.

Он душу бурную смирят,
Он сердце бедное весельем озарят,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумленной душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Все вокруг меня! Здесь с дивной глубиной
Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая,
О ученик! восстань, купая
В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушную толпою
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!
Как силы вышние в сосудах золотых
Разносят всюду жизнь божественной рукою
И чудным взмахом крыл лазоревых своих
Витают над землей и в высоте небесной —
И стройно все звучит в гармонии чудесной!
О, этот вид! Но только вид – увы!
Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, – вы,
Дарующие жизнь струею благодатной,
Которыми живет и небо и земля,
К которым рвется так больная грудь моя?
Вы всех питаете – что ж тщетно жажду я?

(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак Духа Земли.)

Вот знак другой. Он чувства мне иные
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!
Теперь себя я чувствую сильнее —
Снесу и горе я и радости земные.
Как будто бы вином живительным согрет,
Отважно ринусь я в обширный божий свет;
Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться —
И в час крушенья мне ли утрашиться?
Повсюду мрак и тишина.
Меж туч скрывается луна,
И лампа тихо угасает.
Над головою в вышине
Кровавый луч во мгле сверкает,
И в кровь, стесняя сердце мне,
Холодный ужас проникает.
О дух, ты здесь, ты близок – о, приди!
Как сердце бьется у меня в груди!

Всем существом, души всей мощным зовом
Я порываюсь к чувствам новым!
Явись, явись мне – я всем сердцем твой!
Пусть я умру – явись передо мной!

*(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание.
Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.)*

Дух

Кто звал меня?

Фауст*(отворачиваясь)*

Ужасное виденье!

Дух

Я вызван мощным голосом твоим:
К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье, —
И вот...

Фауст

Увы, твой вид невыносим!

Дух

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой —
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравниться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжен,
Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Фауст

Во прах перед тобой я не склонюсь челом.
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всем!

Дух

В буре деяний, в волнах бытия

Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рождение —
Вечное море;
Жизнь и движенье
И вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь —
Не мне.

(Исчезает.)

Фауст *(падая)*

Не тебе!
Но кому ж?
Я, образ Божества,
Не близок и тебе!
Стучатся в дверь.
Стучатся. Знаю я: помощник это мой!
Погибло все! О смерть, о муки!
Да, он пришел смутить видений чудный рой,
Ничтожный червь сухой науки!

*Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке.
Фауст с неудовольствием отворачивается.*

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас —
Из греческой трагедии, конечно?
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:
Ведь декламация в большой цене у нас!
Случалось слышать мне, что может в деле этом
К комедианту поп явиться за советом.

Фауст

Да, коль священник ваш актер и сам,
Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать! Мы живем всегда в уединенье;
Едва по праздникам покинешь свой музей,
И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье.
Так где ж найти слова, чтоб нам учить людей?

Фауст

Когда в вас чувства нет, все это труд бесцельный;
Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А вы? Сидите, сочиняйте,
С чужих пиров объедки подбирайте —
И будет пестрый винегрет
Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус – пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечет,
Коль не из сердца ваша речь течет.

Вагнер

Нет, в красноречьи – истинный успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно, —
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

Вагнер

Ах, Боже мой, наука так пространна,
А наша жизнь так коротка!
Мое стремленье к знанью неустанно,
И все-таки порой грызет меня тоска.
Как много надо сил душевных; чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одни источники найти;
А тут, того гляди, еще на полпути
Придется бедняку и с жизнью расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдем источник мы живой?
Ему ли утолить высокие стремленья?
О нет, в душе своей одной
Найдем мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не радостно следим
За духом времени? За много лет пред нами
Как размышлял мудрец и как в сравненьи с ним
Неизмеримо вдаль подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл – и дух, насколько не забыты, —
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени – увы! – не что иное,
Как отраженье века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!
От этого в отчаянье порою
Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!
Все пыльный хлам да мусор пред тобою,
И рад еще, когда придется прочитать
О важной пьесе с пышным представленьем
И наставительным в конце нравоученьем,
Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Фауст

Да; но что значит – знать? Вот в чем все затрудненья!
Кто верным именем младенца наречет?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...
Однако поздно: нам пора расстаться;
Оставим этот разговор.

Вагнер

А я хоть навсегда готов бы здесь остаться,
Чтоб только продолжать такой ученый спор!
Ну что ж: хоть завтра, в пасху, в воскресенье,
Позвольте вам еще вопрос-другой задать.
Ужасное во мне кипит к наукам рвенье:
Хоть много знаю я, но все хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст*(один)*

Он все надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной —
И рад, когда червей находит дождевых!..
И как слова его раздаться здесь могли,
Где духи реяли, всего меня волнуй!
Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли,
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;
А без тебя я впал бы в исступленье:
Так грозно-велико возстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зеркалу истины, сияющей и вечной,
Я, образ Божества, приблизиться мечтал,
Казалось — я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;
Превыше ангелов я был в своих мечтах,
Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,
Как Бог, хотел вкусить святого наслажденья —
И вот возмездие за дерзкие стремленья:
Я словом громовым повержен был во прах!
О нет, не равен я с тобою,
Тебя я вызвать мог тоскующей душою,
Но удержать тебя я силы не имел:
Так мал я, так велик казался, — но жестоко
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —
И вновь я человек, — безвестен мой у дел!
Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?
Научит кто? Куда идти?
Увы, себе своими же делами
Преграды ставим на пути!
К высокому, прекрасному стремиться
Житейские дела мешают нам,
И если благ земных нам удалось добиться,
То блага высшие относим мы к мечтам.
Увы, теряем мы средь жизненных волнений
И чувства лучшие и цвет своих стремлений.

Едва фантазия отважно свой полет
К высокому и вечному направит, —
Она себе простора не найдет:
Ее умолкнуть суета заставит.
Забота тайная тяжелою тоской
Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,
И сокрушает нам и счастье и покой,
Являясь каждый день под новою личиной.
Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;
Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;
Пред тем, что не грозит, дрожать обречены;
Еще не потеряв, мы плачем о потере.
Да, отрезвился я – не равен я богам!
Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!
Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый.
Да, я во прахе! Полки по стенам
Меня мучительно стесняют:
Дрянная ветошь, полусгнивший хлам
На них лежат и душу мне терзают.
Все пыльный сор да книги! Что мне в них?
И должен ли прочесть я эти сотни книг,
Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало
Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?
Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,
Зубами белыми сверкая?
Когда-то, может быть, как я, владелец твой
Блуждал во тьме, рассвета ожидая!
Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины и колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой
Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той
Не отопрет замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свои покров не снимет перед нами,
Увы, чего не мог постигнуть ты душой
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, не нужный мне торчит!
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот сверток здесь давным-давно лежит
И весь от лампы копотью покрылся.
Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,
Чем вечно здесь потеть под гнетом мелочей!
Что дал тебе отец в наследное владенье,
Приобрети, чтоб им владеть вполне;
В чем пользы нет, то тягостно вдвойне,
А польза только в том, что даст тебе мгновенье.
Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,
Влечет меня к себе, блестящий, милый взору!

Так сладко нам, когда нам заблестит
В лесу луна в ночную пору.
Привет тебе, единственный фиал,
Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умилением
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,
Источник сил губительных и чудных, —
Служи владельцу своему вполне!
Взгляну ли на тебя – смягчается страданье;
Возьму ли я тебя – смирятся желанье.
И буря улеглась в душевной глубине.
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мирозданья.
Туда готов лететь я – в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело нам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, —
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!
Приди ж ко мне, кристальный мой фиал,
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!
Как долго ты лежал, презренный и забытый!
На дедовских пирах когда-то ты сверкал,
Гостей суровых веселя беседу,
Когда тебя сосед передавал соседу.
Краса резьбы причудливой твоей,
Обычай толковать в стихах ее значенье
И залпом осушать всю чашу в заключенье —
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожня,
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!
Хмелен напиток мой, и темен зелья цвет:
Его сготовил я своей рукою,
Его избрал всем сердцем, всей душою.
В последний раз я пью и с чашей роковую

Приветствую тебя, неведомый рассвет!

*(Подносит к губам бокал.)
Звон колоколов и хоровое пение.*

Хор ангелов

Христос воскрес!
Тьмой окруженные,
Злом зараженные,
Мир вам, прощенные
Люди, с небес!

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не дает испить напиток истребления.
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть святого воскресенья.
В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедро мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облачен Христос, —
Кто ж из гробницы
Тело унес?

Хор ангелов

Христос воскрес!
Кто средь мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения, —
Мир вам с небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовете мощно вы
Меня из праха вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я – я слышу весть, но не имею веры!
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо – веры есть любимое дитя!

Стремиться в мир небес, откуда весть нисходит,
Не смею я; туда пути мне нет...
И все же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалась меня
Небесная любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,
И вся молитвою пылала грудь моя.
Влекомый силою какой-то непонятной,
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,
И за слезой слеза катилась благодатно,
И новый мир вставал в душе моей.
Все, все мне вспомнилось – и юности отвага,
И счастье вольное, краса моей весны...
О нет! Не сделаю я рокового шага:
Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные, плывите надо мною!
Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земною!

Хор учеников

Гроб покидает он,
Смерть побеждая;
К небу взлетает он,
Славой блистая;
Мир озаряет весь
Светом спасения;
Нас оставляет здесь
В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжелой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к тебе!

Хор ангелов

Чуждый исления,
Мощно Христос восстал!
Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим, —
Близок учитель вам:
С вами он сам!

Сцена 2

*У ГОРОДСКИХ ВОРОТ.
Гуляющие выходят из ворот.*

Несколько подмастерьев

Эй, вы! Куда вы, господа?

Другие

В охотный двор. А вы куда?

Первые

На мельницу!

Один из подмастерьев

Пойдем к прудам!

Второй подмастерье

Бог с ними!
Туда дорога чересчур худа.

Вторая группа подмастерьев

А ты?

Третий подмастерье

Пойду куда-нибудь с другими.

Четвертый

В Бургдорф наведаться советую я вам.
Какие девушки, какое пиво там!
А драка – первый сорт! Пойдемте-ка, ребята!

Пятый

Знать, чешется спина: все драки подавай,
Вот погоди, намнут тебе бока-то!
Ступай-ка сам – меня не зазывай.

Служанка

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Другая

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

Первая

Да мне-то что за радость в нем?
Он вечно ходит за тобою,
Болтает, пляшет не со мною:
Что мне в веселии твоём?

Вторая

Да мы пойдем не с ним одним:
Кудрявый тоже будет с ним.

Студент

Эх, девки, черт возьми! Смотри, бегут как живо!
А что, коллега, надо их догнать!
Забористый табак, да пенистое пиво,
Да девушка-краса – чего еще желать!

Девушка-горожанка

Вот так молодчики! Как им не удивляться!
Ведь это просто стыд и срам!
Могли бы в обществе отличном прогуляться —
Нет, за служанками помчались по пятам!

Второй студент (первому)

Постой: вон две идут другие;
Из них соседка мне одна.
Мне очень нравится она.
Смотри, нарядные какие!
Не торопясь, идут они шажком
И поджидают нас тайком.

Первый студент

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.
Скорей вперед: дичь может ускакать!
Чья ручка пол метет, когда придет суббота,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.